
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЗНИКОВ МИНСКОГО ГЕТТО В ВОСПОМИНАНИЯХ МИХАИЛА ТРЕЙСТЕРА

С. Н. Тукало

Аннотация: В данной статье рассматривается повседневная жизнь узников Минского гетто через призму уникальных воспоминаний Михаила Трейстера.

Ключевые слова: Михаил Трейстер; воспоминания; война; повседневная жизнь; узники гетто; облавы и погромы

THE DAILY LIFE OF PRISONERS OF THE MINSK GHETTO IN THE MEMOIRS OF MIKHAIL TREISTER

Abstract: This article examines the daily life of prisoners of the Minsk ghetto through the prism of the unique memories of Mikhail Treister

Keywords: Mikhail Treister; memoirs; war; everyday life; ghetto prisoners; roundups and pogroms

Михаил Абрамович Трейстер родился в многодетной еврейской семье в апреле 1927 г. в городе Витебск. Мальчику не исполнилось и года, когда семья Трейстеров переехала в Минск. Отец, Абрам Трейстер, работал главным бухгалтером на машиностроительном заводе. Мать, Рахиль Пастернак, занималась домашним хозяйством. Свое детство Михаил вспоминает с теплотой и любовью: «...не припомню, чтобы в семье соблюдали религиозные обряды. Вероятно, среди госслужащих это не было принято. Родители говорили между собой на идише только тогда, когда надо было что-то скрыть от детей. Дома всегда чисто и спокойно, никакой ругани, никаких воплей. Эти спокойные отношения так и остались основным воспоминанием и итогом семейного воспитания... В доме – хорошая библиотека, из которой я почти полностью перечитал собрания сочинений Джека Лондона, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Из всего прочитанного, особенно из Джека Лондона, усвоил главное – человек может все. Возможно, это и помогло пережить войну» [1, с. 208]. Семья Трейстеров проживала на улице Розы Люксембург в десяти минутах ходьбы от Дома правительства, что было характерным для довоенного Минска [1, с. 209]. В 1934 г. родители отдали Михаила в нулевой класс образцовой средней белорусской школы № 25 имени Александра Червякова. Все предметы преподавались на белорусском языке [1, с. 211]. К началу войны Михаил успел закончить шесть классов.

На оккупированной территории 14-летний Михаил остался со своей матерью и сестрой. Отец умер еще в 1938 г., а двое старших братьев, когда началась Великая Отечественная война, ушли на фронт. Уже на второй день войны дом, в котором проживала семья Михаила, был разрушен в ходе бомбардировки. Семья Трейстеров предприняла неудачную попытку бежать из города на восток, но вскоре была вынуждена вернуться в Минск. Ввиду того, что родной дом был разрушен, они приблизительно месяц находились у чужих людей. После же издания нацистами приказа о переселении всех евреев города в специально отведенный для них район, они переехали в гетто: «На всех заборах и развалинах – листовки со строжайшим приказом (от 19.07.1941 г.) полевого коменданта: «О создании жидовского жилого района в г. Минске»... В течение 5 суток... Выделены улицы, переулки... Изоляция от остальной части города... Кирпичная стена... Стену возводят сами жидаы... Для покрытия затрат – принудительный заем 30 тысяч червонцев... Собрать в течение 12 часов с момента опубликования настоящего приказа... За любое неподчинение – расстрел. Что касается кирпичной стены – ограничились колючкой. Основное переселение – путем обмена квартирами с неевреями. У нас меняться нечем...» [1, с. 216].

В Минском гетто семья Трейстеров поселилась с десятками других еврейских семей в зале бывшего кинотеатра: «Живем в зале бывшего кинотеатра, что на улице Раковской, напротив хлебозавода. Таких бедолаг в зале – человек сто. Семьи отгораживаются друг от друга одеялами на проволоке... Продукты добываем в обмен на вещи, найденные под развалами нашего дома. Я меняюсь с немцами: мыло на хлеб, табак, сахарин. Торг честный. Мы им бросаем свой товар из окна второго этажа конторы хлебозавода, они нам – свой» [1, с. 216].

Печальные воспоминания остались у Михаила о первом массовом погроме в гетто: «7 ноября 1941 г. Не знаю, от кого мать прослышала о погроме, но в 5 часов утра, проскочив через еще не замкнувшееся окружение, бежим по свежему снегу через еврейское кладбище в единственное место, где можно спастись, – к моей «второй маме» Юзе, домработнице, прожившей в нашей семье 14 лет. Она, рискуя жизнью (в коммуналке от соседей ничего не скроешь), продержала нас три дня, накормила, обогрела. Вернулись мы, потеряв «свой» кинотеатр: район был уже отрезан от гетто. И опять мы – бездомные» [1, с. 217].

В целях выживания Михаил вынужден был выдавать себя за сапожника. В связи с чем и попал на обувную фабрику, где постепенно обучился навыкам данного ремесла: «Все запасы еды и мыла остались в кинотеатре.

А жить надо. На работу в 14 лет, да еще без специальности, не возьмут. Значит, мне 16, и я сапожник. Документы, естественно, сгорели. Это единственное, что было правдой. На геттовской бирже труда меня окинули скептическим взглядом и записали в сапожный цех базы ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта. Это – бывшая фабрика «Октябрь». Там, разумеется, поняли, что я такой же сапожник, как и музыкант, но не выгнали, и через месяц я уже был сапожником, причем, не последним. К весне мои коллеги по верстаку и сапожной лапе – и русские, и евреи – признали меня своим» [1, с. 217].

Почти два года ежедневно Михаила в трудовой колонне под конвоем водили на изнуряющую работу, при этом жестоко эксплуатировали за миску мутной баланды и 150 граммов глиноподобного безвкусного хлеба. Остальное он вынужден был добывать иным способом, ежедневно рискуя жизнью [1, с. 218]. Узников гетто использовали исключительно на тяжелых долгосрочных работах: перевозить песок и глину с одного места на другое и обратно, копать землю без лопат, разбирать разрушенные здания, чистить железнодорожные пути, рыть ямы, окопы, убирать город, чистить туалеты и т. д. По воспоминаниям Трейстера, работа не только спасала от голода, но и помогла пережить многие кровавые погромы, проводимые нацистами и их пособниками, так как «в те дни колонну не отправляли в гетто: спали мы, сапожники, под верстаками, портнихи – на грудах шинелей» [2, с. 19]. В портняжном цеху работали также мама Рахиль и сестра Анна, которые вместе с Михаилом оставались ночью на фабрике и таким образом смогли избежать смерти. В иных же случаях помощь оказывали хорошие знакомые.

Повседневную жизнь в гетто Михаил Трейстер описывает следующим образом: «В гетто все направлено на то, чтобы лишить человека не только чувства собственного достоинства, но и человеческого облика. Голод, холод, лохмотья, опознавательные знаки – «латы» и таблички с номерами домов на спине и груди. меховые вещи запрещены, да и откуда им взяться, когда уже все обменено у проволоки на кусок хлеба, ведро картошки. Деликатесом считается лек-рассол из селедочных бочек. В него макают хлеб, когда хлеб есть. Едят оладьи из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку. Едят сало, соскобленное со старых шкур на кожзаводе. Едят баланду, приносимую, если удастся, с работы. Постоянные мысли и разговоры о еде. Ходить можно только по мостовой. Завидев немца, метров за пятнадцать следует снимать шапку. Человеческая жизнь не стоит ничего» [1, с. 218].

В гетто не было отопления, магазинов, бани, воду для питья брали из уличных водозаборных колонок и колодцев. Электроэнергией и радиоточ-

ками евреям пользоваться запрещалось. Еврейским детям не разрешалось и посещение школ. Вообще, дети Минского гетто страдали больше всего. В жилых полуразрушенных домах узники освещались свечами, которые они научились отливать в стеклянной трубке из найденного парафина. Иногда использовали лучины, снарядные гильзы под карбидную лампу [1, с. 220]. При плотности заселения, которая образовалась при создании гетто и поддерживалась почти до его ликвидации, в одноэтажном двух-трехквартирном доме проживали до 100 человек, в небольшом двухэтажном – до 200–300 [3, с. 84]. Сложно представить, но примерно на площади 10 м² жило 6–8 человек. Официально на каждого человека разрешалась норма 2 м², однако эта норма не выдерживалась и выходило 1,5 м на человека. Скученность населения гетто и голод приводили к страшным болезням: фурункулез, цинга, сыпной и брюшной тиф. Положение евреев было крайне невыносимое даже для здорового, сильного духом и телом человека: они жили в нечеловеческих, антисанитарных и совершенно неподходящих условиях.

Нацисты и их пособники постепенно, целенаправленно и систематически уничтожали еврейское население, в первую очередь «беспольное» – стариков, женщин и детей. Ликвидация узников гетто осуществлялась путем проведения еженедельных облав, ночных налетов в квартиры населения гетто, массовых погромов, вылавливания людей на улицах и вывоза их в неизвестном направлении, откуда они больше не возвращались. Жуткие, неподдающиеся человеческой логике и разуму последствия одного из ночных налетов пришлось увидеть и Михаилу Трейстеру: «Республиканская улица, переименованная немцами в Миттельштрассе, была сквозной, то есть была выгорожена с обеих сторон колючей проволокой, и там днем ходил обычный транспорт, однако ночью, насколько помню, по ней никто не ездил. И когда ночью на этой улице раздавался рев машин, это означало только одно. Минут через 20–30 где-то рядом слышались крики, проклятия, автоматные очереди, лай собак. Через полчаса все затихало, а затем – звук уходящих машин. У стервятников закончилась ночная смена. Утром, поднимаясь по Обувной к месту сбора колонны, прохожу мимо очередного выбитого дома. Вокруг – на тротуарах, фундаментах, стенах – кровь и мозги (стреляли разрывными). Кругом автоматные и винтовочные гильзы, бутылки из-под водки. Иногда догоняю возы с высокими бортами. Груз накрыт брезентом с бурыми пятнами, из-под брезента свисает то рука, то нога. За каждым возом широкая красная полоса. Груз колышется. Еще не остыл. Возы идут к Сухой и по ней налево, к кладбищу... Сбором и вывозом трупов руководит геттовская (еврейская) полиция с белыми повязками» [1, с. 221].

Большой интерес представляют воспоминания Михаила о том, как узникам приходилось порой необычным изобретательным способом добывать себе еду и необходимые вещи, ежедневно рискуя собственной жизнью: «...Евреи... ходили на работу с банками для баланды – этикие небольшие, литров на пять, цинковые цилиндрические ведра с крышками. Иногда удавалось «закосить» пару лишних черпаков баланды и в банке принести в гетто для семьи, пока семьи были еще живы. Так вот, какой-то гениальный еврей изобрел банку с двойным дном – во внешний цилиндр задвигался внутренний, покороче, с верхним буртиком. В банку наливалась баланда, ставилась ложка с укороченным черенком (для оптического обмана), и в образовавшуюся полость влезало до пяти пар подметок. В короткое время такими чудо-банками обзавелись многие евреи» [1, с. 224].

В своих воспоминаниях Михаил Трейстер упоминает и так называемые «малины» – кратковременные убежища, в которых узники прятались во время массовых погромов. Варианты схронов были разные: ложные стенки или фронтоны, оставляющие свободное пространство для укрытия; потайные чердаки, погреба с замаскированными люками, иногда за пределами дома, с подземными ходами к ним; крайняя комната, дверь в которую маскировалась шкафом. Кто же задвигал шкафы, камуфлировал входы? Трейстер вспоминает, что «...это делали старики, сознательно отдавая свою жизнь ради хоть какой-то надежды на спасение детей и внуков. К сожалению, жертвы часто оказывались напрасными, так как у карателей были свои методы: собаки, простукивание стен, гранаты, дымовые шашки в погреба и т. д... Случалось, ребенок начинал кричать в тот самый момент, когда каратели шарили по квартире. Тогда ребенка душили... Мой скромный «малиновый» опыт сводится к одной ночи, которую я просидел среди десятка других несчастных в узкой щели между двумя стенками. После этого решил, что помирать лучше на свежем воздухе» [1, с. 227].

Довольно подробно и объективно Михаил Трейстер показывает роль еврейской полиции в повседневной жизни узников гетто. Он пишет, что полицейские наблюдали за порядком в гетто, занимались сбором контрибуции в первый период, когда от этого зависела жизнь заложников, вывозом трупов после погромов, иногда облавами и т. д. При этом добавляет, что среди членов еврейской полиции были и подпольщики, например, Зяма Серебрянский (казнен нацистами), Арон Фитерсон (ушел в партизаны) и другие: «...Первоначально полицейских было около сотни, потом много меньше. Оружия им не давали. Многие из этих людей оказались в полиции по принуждению, иные – чтобы не помереть с голоду, кое-кто – по заданию

подпольной организации. Почти все они погибли, за исключением единиц, бежавших в партизаны. Некоторые после освобождения от оккупации отсидели срок. Впрочем, в те годы это отнюдь не говорило о вине. Естественно, я не собираюсь их защищать. Но истина превыше всего, и если говорить о позорных страницах истории, то ведь история – книга толстая, там много страниц...» [1, с. 232].

Следует также отметить, что Трейстер принимал активное участие в сопротивлении в Минском гетто. Так, он выполнял различные поручения подпольной организации, связанной с партизанами.

В июле 1943 г., когда нацисты начали уничтожение трудовых колонн гетто, Трейстеру не удалось убежать и он был направлен в лагерь СС на улице Широкой (теперь ул. Куйбышева). Однако Михаил смог вернуться под ложным именем Наума Розина вместе с отобранными специалистами в гетто. В последнем Трейстер не задержался и через неделю ушел к партизанам. Поскольку в гетто оставались родные Михаила, он добивался от командования направить его туда на задание. Наконец, в сентябре 1943 г. он по поручению командования партизанского отряда направился в Минское гетто. Ему удалось благополучно провести часть узников через колючую проволоку, но позже группа напоролась на немецкий патруль. Многие из беглецов были убиты. В тот день Михаил вывел из гетто многих узников, а также спас свою мать Рахиль Хоновну и старшую сестру Анну [4].

Вплоть до освобождения Беларуси советскими войсками (июль 1944 г.) Михаил Трейстер воевал в 106-м партизанском отряде им. Шолома Зорина, действовавшем в Налибокской пуще. Свой партизанский опыт Трейстер описывает скромно: «Во избежание кривотолков, честно признаюсь: никаких героических подвигов я так и не совершил, хотя в отряде кое-чему научился. Например, валить лес, строить шалаши и землянки, ездить верхом на лошади [...]. Кроме того, за время пребывания в отряде я: [...] обрел настоящих друзей [...] понял, что человеческая жизнь бесценна, но есть кое-что и поважнее» [2, с. 50].

После войны Михаил окончил Минский политехникум, в 1954 г. – вечернее отделение Белорусского политехнического института. Более 45 лет проработал в области энергетики.

В 1991 г. вместе с другими бывшими узниками Михаил Трейстер организовал в Беларуси «Белорусское общественное объединение евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей», а в 1998 г. стал его председателем. Его известные книги «Проблески памяти», «Матрейки», как и множество других публикаций, были изданы и продолжают издаваться в Беларуси, России, Израиле и Германии.

До декабря 2013 г. Михаил Абрамович являлся председателем «Белорусского общественного объединения евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей» и вице-президентом «Международного союза евреев – бывших узников фашизма».

Он собрал значительный объем информации о гетто, лагерях смерти и еврейском партизанском движении в Беларуси. Активно участвовал во многих международных конференциях, круглых столах, выставках, встречах, посвященных памяти жертв Холокоста, являлся организатором и участником исследований по теме «Спротивление бывших узников Белоруссии в партизанских отрядах республики».

Глубочайшую благодарность Михаил Трейстер испытывал к Праведникам народов мира. При его непосредственном участии был составлен и выпущен уникальный сборник документов «Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси».

9 мая 2017 г. после продолжительной болезни Михаил Абрамович Трейстер скончался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Память и время. Выпуск первый / сост. Акоюн В.Н. [и др.]. – Минск: Медисонт, 2013. – 416 с.
2. *Трейстер, М.* Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации / М. Трейстер. – Минск: Ист. мастерская, 2007. – 242 с.
3. *Трейстер, М.* Проблески памяти / М. Трейстер // Мінскае гета. 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24 каст. 2003 г. / Гіст. майст. г. Мінска; рэдкал.: К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2003. – С. 79–88.
4. *Трейстер, М.* Минское гетто. Проблески памяти / М. Трейстер // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. раб. / Истор. мастер. г. Минска, Дортмунд. межд. образ. центр; редкол. : Я. З. Басин [и др.]. – Минск, 2005. – С. 256–286.